

Заметки об Арзамасе (1852).

Ниже представлена I часть труда Александра Власьевича Терещенко, российского этнографа и археолога, «Заметки об Арзамасе», который был опубликован в журнале «Москвитянин» в 1852 году. На текст «Заметок» ссылался Н. М. Щегольков, поскольку в нем частично воспроизводятся сведения из утерянной уже к концу XIX века рукописи мещанина Мерлушкина, собиравшего сказания об Арзамасе еще в конце XVIII века. При составлении «Заметок» А. В. Терещенко также использовал материалы Нижегородских губернских ведомостей (в частности, о проезде Екатерины II через Арзамас) и рассказы жителей города.

II часть его труда содержится в следующем номере журнала «Москвитянин», но в ней основной объем текста посвящен загадкам, пословицам и поговоркам, собранным автором в Нижегородской губернии, поэтому наибольший интерес для тех, кто интересуется историей Арзамаса, представляет именно I часть. При прочтении следует знать, что А. В. Терещенко был, прежде всего, этнографом, в 1848 году вышел его фундаментальный труд «Быт русского народа», в котором собрано огромное количество обрядов, преданий, суеверий и т.д. Это объясняет внимание автора к некоторым темам, не связанным с историей города.

Любопытно, что Н. М. Щегольков при упоминании «Заметок» не совсем правильно привел место их первоначальной публикации, указав, что они появились в журнале «Современник». Однако в «Современнике» в 1850 году была опубликована другая статья А. В. Терещенко, посвященная А. В. Ступину. Сам же Н. М. Щегольков воспользовался некой копией «Заметок», опубликованной отдельно в виде книги объемом 58 страниц. Вот, что он пишет в книге «Исторические сведения о городе Арзамасе», вышедшей в 1911 году:

В 1840-х годах А. Терещенко, гвардейский офицер, писатель, гостивший тогда в Арзамасе у своего друга Н. Я. Стобеуса, написал «заметки об Арзамасе», которые и были напечатаны в «Современнике» и отдельной книжкой в 58 стр. Единственный экземпляр этой книжки сохранился у потомственной почетной гражданки А. М. Подсосовой, с дозволения которой и были сделаны мною выписки из этих «заметок». А. Терещенко также пользовался летописью Мерлушкина и, подобно ему, начинает повествование об Арзамасе следующей легендой...

Далее в книге воспроизводится легенда о нашествии Батыя, источником которой является рукопись арзамасского мещанина Мерлушкина.

Бесспорно, на труд А. В. Терещенко стоит обратить всем, кто интересуется историей города.

В тексте убраны ъ на конце слов, а также заменены дореформенные буквы на современные аналоги. Это сделано для удобства чтения. Сохранена нумерация страниц. Сноски воспроизведены прямо под текстом, и, как в оригинале, отделены короткой чертой. Некоторые из сносок настолько велики, что переносятся автором на следующую страницу. Сохранен курсив.

Важно учитывать, что публикуемый текст был переведен в электронный вид с помощью системы распознавания текста, а далее вручную скорректирован, но это не означает, что он абсолютно идентичен исходной публикации, и ошибки допустимы. При цитировании сверяйтесь, пожалуйста, со скан-копией «Заметок».

Терещенко А.В. Заметки об Арзамасе / Терещенко А.В. // Москвитянин. Москва : Университетская типография, 1852. – Книга 2. № 22. Ноябрь. С. 63–88 (отд. VII).

— 63 —

ВНУТРЕННИИ ИЗВЕСТИЯ.

ЗАМЕТКИ ОБ АРЗАМАСЕ.

Происхождение Арзамаса. — Пространство нового города. — Место казни Арзамасских стрельцов. — Казненный самозванец. — Казнь людоеда. — Дом убогих. — Посещение города знаменитыми людьми. — Церкви и заведения общественные.

— Обычаи. — Загадки. — Пословицы. — Поговорки. — Причитания. — Нравственность. — Особенности Семеновского уезда.

Начало древняго города всегда выводится из преданий народных, более или менее старых. Так и жители Арзамаса считают свой город не только по происхождению древним, но священным. Летописатель Мерлушкин говорит, (*) что при нашествии Бату на Россию, толпы Мордвов бежали из своих жилищ в места отдаленныя, дикия и непроходимыя, и укрылись в дебрях арзамаских, а в 1245 г. жил уже там с своим семейством Мордвин Теш, на том месте, где ныне Втарес. (**). Однажды он, охотясь в лесах арзамаских с детьми своими, зашел в глубину дебрей на то место, где теперь стоит город, наловил там множество дичи, нажарил, наелся с детьми и уснул с ними. Все они видели сны, которые указывали им места их жительств и потому они разделились на курени. Теш избрал себе место по отлогости горы, нынешней Духовской, в двух стах саженьях от собора, и протекавшей там реке дал свое имя Теш; дети его поселились на других местах, именно: *Шамайко* на

(*) Мерлушкин, — мещанин Арзамаский, жил в конце XVIII века. В своей летописи он ссылается на сочинение Князя Хилкова: "Ядро российской истории", но более всего на старую рукописную историю Арзамаскаго купца Шлейникова, писавшаго по сказаниям, на изустные рассказы купцов: Плотникова и Синицына, знавших старину по преданиям; на сказания окрестных Нижеломовскаго уезда крестьян: Ивана Сулова, родившагося в конце XVII века, и какого то Никиты. — Летопись Мерлушкина находится в рукописи и, переходя из рук в руки, она искажается переписчиками, которые или делают прибавления от себя, или изменяют, толкуют по своему событиям и местности.

(**) Теперь деревня Вторусская, в 26 верстах от Арзамаса.

— 64 —

речке Шамаке иначе Шалиме, обтекающей город с юга и впадающей в Тешу; *Якшейко* на протоке Сороке, — внутри нынешняго города, имеющем воду только в половодье; *Михалко* на север в версте от города, на протоке Михайлевом; *Кусилко* на горе *Киселевой*, находящейся между городом и протоком Михайлевым. Через 18 лет от заселения Арзамаса, — был встречен здесь жителями В. К. Александр Невский (в 1263 г.), который возвращался из орды и, как говорит предание, он обедал на Духовской горе и потом водрузил на том самом месте крест, моля Господа, да просветит он здесь живущих светом веры. В исходе XIV века, когда В. К. Дмитрий Донской поразил на Куликовом поле Мамаево полчище, тогда многие Татары искали убежища в непроходимых лесах и толпой значительной поселились по берегу *Тёши*, не далеко от нынешняго города. Татары, смешавшись с Мордвой, не покидали прежняго своего образа жизни: хищничество и разбой; притесняли коренных обитателей и силились истребить их совершенно. Мордва возпротивилась им, ибо она далеко превышала их своим общественным устройством и многочисленностью, так что в то время были у ней обширныя волости подчиненныя потомству Теша; сверх того часть Мордвы, жившей вне своих селищ, занималась звериной ловлею и

пчеловодством, а часть остальная, жившая в волостях, занималась земледелием и скотоводством. Царь Иоанн IV, идя с воинством на Казань (в 1552 году) и имея вожатым Мордвина *Ичалку*, достиг лесистаго жилища потомков Теша. Жители, предводимые двумя братьями, Арзаем и Мисяем, встретили Государя с покорностью и дарами, частью собственными, а частью собранными с волостей; изъявили желание быть верноподданными Самодержца Московскаго и проводили его, в предстоявший ему поход, за свое селение. На возвратном же пути Государь был встречен жителями с прежним усердием; дозволил им просить у него, чего они хотят? Мордва просила: 1. чтобы местность, занятая их поселением, предоставлена была во владение им и потомству их, 2, что бы в их обществе было поселено несколько русских торговых людей, 3, чтобы Татары, поселившиеся по берегам реки Теша, были изгнаны. — Царь принял их просьбу, выслал Татар, а дачи, занятые ими на месте нынешняго Арзамаса, утвердил за Мордвою и их потомством; разослал по некоторым городам грамоты, с приглашением торговых людей и ремесленников селиться на месте теперешняго города, и потом объявил Мордве свою волю: о построении города в их жительстве. Два брата—старшины: Ар-

— 65 —

зай и Мисяй повиновались Царскому приказу. На другой день составился из воевод Царских совет, к которому были приглашены Арзай и Мисяй, с их старейшинами: с общаго согласия было избрано место для возведения городской крепости. В присутствии Царя совершено молебствие с освящением и кроплением воды, и в присутствии Монарха произведена немедленно работа: расчистка леса, копанье рва и основание острога. Положив начало городу, Царь предложил язычникам принять веру христианскую. — Ответа не было. — Тогда Государь объявил им: кто первый крестится, того именем назван будет новый город, Арзай и Мисяй, первые выступив из толпы многочисленной, изъявили желание на принятие св. веры, и вот из двух имен Арзая и Мисая, составилось название Арзамаса. Первенцы православия получили в св. крещении имена христианския. Арзай наименован Александром, а Мисяй Михаилом. Вскоре примеру двух братьев последовали не только жители новаго города, но обыватели волостей, переименованные в дворцовых крестьян.

При основании города, заложена внутри крепости церковь во имя Архистратига Михаила, на месте ныняшнаго собора. Построение же остальных церквей относится к разным временам, но первую церковь после собора, считается сошествие Св. Духа, находящейся на месте задолго пред этим освященном молитвою и водружением креста Александром Невским. В Арзамасе осталась молва, будто бы городская церковь во имя св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и другая во имя тогоже самаго Апостола, отстоящая от города в трех верстах и находящаяся в селе Ивановском, были построены по повелению Царя Иоанна Грознаго, в память его похода на Казань. В подтверждение такого предания добавляють рассказами, что три села Ивановския: одно в 35 вер. на юго-запад, другое в 3 вер. а третье в 35 вер. от города на северо-восток по казанской дороге (Мордовское селение Ивашкино) обязаны своими названиями памяти Царя Иоанна, но все это ничем не подкрепляется. Соименное название храмов и имя Царя, суть причины

неосновательных выводов и самая церковь, как сельская, так и городская, построением своим гораздо новее, нежели собор или сошествие Св. Духа.

Царь Иоанн IV совершил на Казань три похода. В первый, 1549 г., он шел из Муром на Нижний-Новгород, куда прибыл 26 января, а 2 Февраля ночевал на Ельне, в 15 верстах от Нижняго, дойдя только до острова Работки (ныне селение того же имени) и по причине чрезвычайной оттепели возвратился в

— 66 —

Москву, чрез Нижний, а на Казань послал воеводу Кн. Бельскаго; во второй поход 1550 года он шел той же самой дорогой, под Казанью стоял 11 дней и по случаю проливных дождей, не начиная дела, поворотил воинством к Нижнему. На обратном пути он решился построить *для Казанскаго дела* город Свияжск, который был заложен в 1551 году. В третий поход он шел из Муром к Арзамасу, по излучистому направлению. Июля 20 Государь ночевал в лесу, на реке Велетьме и в 30 верст. от города в поле. Это был первый его стан, второй же на реке Шиленьте, по большой дороге между деревнями Кулебяками и Ломовной; третий под Саканским городищем (ныне село Саканы, по той же дороге); четвертый в поле на реке Ирже (ныне безводная речка на юго-запад от Арзамаса в 35 вер.); пятый на реке Авшен (ныне речка Акша, именовавшаяся прежде в письменных делах Авше, в 8 вер. от Арзамаса, на юг); шестый на Ковше, седьмой при озере Икше, осьмый при озере, не дошед реки Пианы (на северо-восток, в 25 вер. от Арзамаса). На двух противоположных сторонах нынешняго Арзамаса, были станы воинские Царя Иоанна; и это ведет к тому заключению, что Государь проходил лесистым местом, на коем стоит ныне Арзамас. (*) Мы знаем уже, что летопись Мерлушкина ясно говорит, что Царь шел на Казань по лесистым дорогам, в чем проводником его был Мордвин Ичелка; что Царь был на месте Арзамаса, основал город, но в разсуждении станов, летопись Мерлушкина весьма много разногласит с Царственной, потому последняя, почитаемая нами более за достоверное известие, принята за указание станов. Во всем Ардатовском уезде (Нижегородской губернии,) есть устное предание, что Царь Иоанн сбился с войском в непроходимых лесах, между селением Сакин и Муромской дорогою. Близь Ардатова (бывшаго до Императрицы Екатерины II дворцовым селом), есть село Кугнннеево. Житель этого селения Мордвин, взялся провести Царя лесами, на степной путь, по направлению на Казань. За указание дороги ему были пожалованы многия земли, в потомственное владение. Родители нынешняго арзамаскаго протоиерея и благочиннаго Ив. Осип. Сахарова и многие старики из духовенства, знали лично последняго потомка этаго Мордвина, прозванием Огольцов, который был неженат, споенный, слабоумный, и бродил по окрестным селениям с кузовом на плечах, для собирания милостыни. Слабоумный и

(*) Царствен. книга с. 157 — 167. 252—253. изд. С. П. Б. 1769 г.

— 67 —

пьяный, потерял царскую грамоту, потерял и жалованья его предку дачи. Этим преданием указывается совсем другой путь и весьма излучистый. — Это от

Кугнendеева на северо-восток, на село Надежино. — В Кугнendеевской сельской церкви долго хранился серебряный ковш, пожалованный Государем. — От Надежина на село Сыресево, с уклонением на восток. Говорят, что церковь Сыресевская стоит на том месте, где был растах Царя. От этого села шло войско на восток, на село Ичалово, где начинается речка Акша, отсюда на север по течению тойже речки Пиане, называемой Пьяною; тут уже Государю нельзя было миновать того места, на коем ныне Арзамас, и он явился близь реки Пианы, на пути в Казань, в селе Вазьяне (слово мордовское и значит озеро), где в церкви хранится древний большой величины образ Св. Николая Чудотворца, который, как говорит предание, пожалован самым царем. От Вазьяна не далеко мордовское селение Ивашкино. Рассказывают, что от этой дороги, по извилистому пути к городу Княгинину (нижегородской губернии), находятся царские памятники в селениях княгининского уезда: Ягодном, Вельдяманове и Мурашкине.

Спустя почти 28 лет от заложения Арзамаса, Царь Иоанн IV, карая Великий Новгород (в 1580 году) предал мечу безчисленное множество жителей, а других разослал по новым городам: в числе этих ссыльных было отправлено несколько семейств в Арзамас, которые принесли сюда ремесла: кожевенное, скорняжное и другия. Фамилия купцов Трушениковых доселе ведет свое начало от новгородских переселенцев (*).

Пределы земли, пожалованной Царем Иоанном IV, были весьма не обширные. На север от собора противу Спасской церкви близь дома купца Ив. Пет. Ансиева, ныне купца Лысковцева, стояла до 1823 года толстая дубовая грань, которая обозначала владение Арзамаса к Нижегородским и Казанским дорогам, а на протяжении 12 верст, на север же, были лесныя дачи помещика Ник.

(*) Город Арзамас упоминается уже в Книге большого чертежа, изд. Г. И. Спасским (1846 г. в Москве) с. 127—128 «А на реке на Теше, от Мурома 120 вер. град Арзамас; а Теша река вытекла с верху реки Алатыри и от реки от Пьяны». Книга больш. чертежа относится к 1600 г. и как ни баснословен рассказ о построении Арзамаса, все он древний город, конечно времен Иоанна IV. — Замечательно, что расстояние верст удивительно верное: ныне тоже самое, не смотря на то, что некоторые полагают в тогдашней версте 1060 и 700 сажень.

— 68 —

Феодор. Ртищева и простирались до нынешняго села Протопоповки (*). По размножении народонаселения жители обратились к Ртищеву с прошением, об уступке им из его дачь какой нибудь части. Ртищев запросил у них, за все подгородныя свои дачи, 500 руб: но Арзамасцы представили ему вместо денег одну свою бедность. Тогда великодушный боярин пожертвовал им все свои дачи, на 12 верст в длину до самой Протопоповки. (**). Из этих дачь город лишился в последствии многих участков. В 1822 году купец Ив. Петров. Ансиев вызвался соорудить памятник Ртищеву. Уже был составлен рисунок, испрошено согласие начальства, о Ансиев желал поставить памятник на месте грани, у себя пред окном;

по распоряжению же власти было отведено место у восточного угла Спасской церкви, между тем обороты торговые Ансиева начали упадать, потом упали и предположение не сбылось.

В древнем Арзамасе жили вне городской крепости, в стенах острога (которого не осталось следов) стрельцы, пушкарки и люди служилые разных чинов; улица же от собора, по нижегородской дороге, именованная в актах стрелецкою, сохранила прежнее свое название по ныне. В смежности с слободой Выездной, в 1 1/2 верст. от города, доселе находится деревня, состоящая из 25 дворов, которая известна в простонародии под именем Стрелки и Пушкарки. Улица стрелецкая и деревня Стрелка были жилищами стрельцов, от коих потомство осталось в одном семействе, спасшемся побегом от казни, и это семейство живет в Стрелке. На конце Выездного, по уклонению Стрелки на запад, стоит на широкой поляне столб, с образами в киоте. По общему преданию, на этом месте вешали и рубили головы стрельцам, принимавшим участие в самозванцах и в крамолах правительницы Софии. Обыватели Выездного и Стрелки приходят сюда в родительскую седмицу, по четвергам, служить панихиды по казненным, и такой обряд отправляется с утра до вечера.

На юг от города, с правой стороны саратовской дороги, стоят на поляне вдалеке друг от друга, каменная часовня с образами и три кирпичные не обделанные столба; по всем четырем

(*) Ник. Феодор. Ртищев, любимец царя Алексея Михайловича, заведывал соколиной охотой и был тем, что ныне обер-егермейстер.

(**) Предание купца и почетного гражданина Ивана Алексеевича Попова, скончавшагося в глубокой старости в 1845 г.

— 69 —

сторонам вставлены образа, — это дом убогий. Здесь ежегодно, пред праздником пятидесятницы в четверток, называемый в простонародии семиком, отправляются за убиенных панихиды, с утра до вечера, Выездно-слободскими женщинами. Начало убогаго дома, по рассказам очень старых людей, следующее: однажды в лунную ночь ехал в город, с сельскаго торгова, хмельный Арзамаский купец, котораго называют по фамилии. Подъезжая к городу, он увидел на виселице три тела. Поворачивает к ним свою лошадь, останавливается пред несчастными, уже мертвыми, бьет одного за другим плетью, понося, и укоряя в преступлениях, ему неизвестных. Наругавшись над ними, он подошел к телеге и хотех садиться, но голоса несчастных велят остановиться ему. Он испугался, однако крестясь, покушается сесть и хочет скорее уехать. Повешенные говорят ему, что они хотят его придвинуть к себе, прибавив: мы осуждены Богом и Великой Государынею за наши дела злыя, а тебя ничем не обидели; за что же ты бил нас? Дерзкий, очнувшись от хмеля, стал пред ними на колена, начал просить прощения и произнес обет, что если отпустят его, то он, как им, так и всем несчастно умершим, выстроит дом убогий. Купец был помилован и он

исполнил свое обещание. В его убогом доме погребались тела не только казненных, но и убиенных и умерших по какому либо несчастію близъ города или вне его. (*)

(*) Убогие дома или иначе скудельницы, сделались известными в нашем отечестве со введением христианской веры, и везде по всей России встречаются доселе название убогих домов вне города, на полях, на коих отправляются поминаения по усопшим. Древние Евреи считали богоугодным делом погребать убогих и раздавать милостыню на их могилах. Товит, услышав за трапезою от сына своего, в день пятидесятницы, что удушенный лежит на площади торговой, бросил обед и пошел хоронить его, положив, до захождения солнца *в некоем доме*. В первые века христианства благочестивые люди обрекали себя на погребение усопших нечаянной смерти, и таковыми славятся у нас: в Киеве св. Марк гробокопатель, в Новгороде Станило боголюбивый и Жгальцо нищий. — Погребение и поминовение убогих совершались у нас ежегодно в четверг на троицкой неделе, в седьмую седмицу по пасхе, и даже в родительскую субботу. Церковь наша, поминая всех преждепочивших, молится и о убогих: равномерно застигнутых нечаянной смертью, убитых молниєю, замерзших, утопших, отравленных или убитых (служба в седьмую седмицу по пасхе или Пенти костарион). Значение убогаго дома показывает место, устроенное ради Бога, чтобы снискать спасение души добрым подвигом; строили особые дома, куда отвозились все умершие, но имевшие родных или найденные, никому неизвестные: на дороге, в реках, в полях и т. п. В убогих домах погребали иногда самоубийц. Патриарх Филарет, в грамоте его

— 70 —

О казнях, произведенных в Арзамасе, рассказывают весьма много, из чего некоторые заключают: не был-ли Арзамас когда нибудь городом казней? Такое заключение едва ли не верное, ибо казней было здесь много, от того, что в Арзамасе находилось воеводство с провинциальной канцеляриєю, коей ведомству принадлежали уезды: Арзамаский, Ардатовский, Лукояновский, часть Сергачевского, Княгининскаго и Горбатовскаго, почти половина Нижегородской губернии. Многие помнят высокую дубовую башню с страшными орудиями пыток, стоявшую на западной стороне собора и рассказывают про казни. Благодетельная и человеколюбивая Императрица Екатерина II, навсегда уничтожившая пытки, велела сломать все те башни, на коих терзали людей, а лес их купил купец Скоблин, употребивший на завод кожевенный.

Арзамасскому Спаскому монастырю, данной в 1619 г., говорит между прочим: «похороняти тех людей, над которыми учинится скорая смерть, кусом подавится, или кто кого ножом зарежет, или с древа убьется, или утонет не купаючися, или отравною смертью умрет, а не сам себя отравит, тех у церкви Божией похороняти и над ними отпевати; а который человек вина опьется, или удавится, или зарежется, или с качелей убьется, или сам себя отравит, или иное какое дурно сам над собою учинит, и тех церкви Божией не похороняти и над ними не отпевати, велети их

класти в убогих домах» (истор. Рос. иерар. т. 111. с. 269). Благочестивый обряд поминовения, в убогих домах, совершался у нас весьма умирительно: на троицкой неделе в четверг, называемый в простонародии семиком, бывал крестный ход из ближайшего монастыря или собора, в убогий дом, при торжественном ходе несли гробы, одежду и полотно для покрытия мертвых. Несшие, сами копали ямы, разбирали трупы, лежавшие по полгода в ямах убогаго дома, завертывали в одежду или полотно, клали в гробы, опускали в приготовленные ими могилы и засыпали землю. Духовенство потом отправляло общую панихиду, а участвовавшие в погребении раздавали нищим милостыню, состоявшую из блинов, калачей, пирогов, яиц, вотрушек, кто чем мог. При этом трогательно набожном обычае присутствовали бояры, иногда Государь. Сердобольный царь Алексей Михайлович посещал весьма часто убогие дома, поддерживал благочестивый обряд и нередко сам присутствовал. — Так, происхождение убогаго дома в Арзамасе обязано общему началу благочестиваго обряда и оно перешло сюда, разумеется, с духом того времени. Но когда? определить нельзя с достоверностию, и только можно сказать, что это могло быть раньше распространения в нем христианства, конца XVI в. Однако не должно смешивать часовню Арзамаскую, носящую одно только название убогаго дома, с прежде бывшими настоящими убогими домами. Арзамаский есть лишь память прежних домов, и указывает без сомнения на то место, на коем некогда стоял убогий дом, а теперь часовня, куда стекается народ отправлять панихиды в четверг семиковый. С тех пор, как устроились вне города кладбища, в третьей четверти XVIII в., уничтожились убогие дома.

— 71 —

По сходству случая о происхождении дома убогаго, можно припомнить здесь о монастыре *Трехгуляеве*, находящемся близ Тамбова. Три богатые купца, захотев попить на просторе, отправились гулять в лесок. Там они гуляли трое суток и во время попойки представлялись им страшныя видения. Купцы, безмерно утраченные, собрались в дорогу, но привидения новыя заградили им путь и грозили мучениями. Гуляки, желая очистить себя от грехов, дали обет построить на этом месте монастырь, и они воздвигнули монастырь Трехгуляев. ⁽¹⁾

Почти все граждане арзамаские знают о посещении их города Екатериною II и передают об этом из рода в род, в память потомству. Лукояновский дворянин Яков Данилович Блевацкий, имеющий ныне более восьмидесяти лет от роду, так сообщил об нем одному своему родственнику: ⁽²⁾ «Шествие Государыни Императрицы Екатерины Великой в Казань было водою. В Нижнем Новгороде доселе хранится, в одном каменном сарае, по левую сторону крепости, та лодка, в которой плыла Императрица. В проезд чрез Городецк, ⁽³⁾ было приготовлено для Государыни, в соборной церкви городецкаго монастыря Императорское с балдахинном место, которое было еще в целости до 1831 года. Потом Царица изволила посещать Нижний и Макарьевский монастырь. Из Казани она отправилась сухим путем на Симбирск, отсюда чрез Арзамас, в обе свои столицы. — Первый ночлег Государыни был в селе Черновском (Сергачевского уезда, Нижегородской губернии). Пребывание ея здесь ознаменовано милостию к тамошнему помещику г. Ермолу, у котораго она была восприемницею дочери его Марии Феодоровны, в

последствии вышедшей за муж за г. Кикина. — Монархиня пожаловала своей крестнице на зубок 100 душ крестьян в селе Гавриловке, Лукояновского уезда. Из Арзамаса она направила свой путь чрез Муром и Владимир.»

В селе Черновском есть фамилия Прапорщиковых, обязанная своим происхождением присутствию Императрицы. Один однодворческий мальчик, обратив на себя внимание Государыни, был ею приласкан; она назвала его в шутку прапорщиком и пода-

(1) Легенду эту сообщил протоиерею Сахарову полковник гвардии Ник. Ник. Кутлубицкий, слышавший ее от туземца, столетняго иеромонаха Филарета.

(2) Полков. Гвар. Н. Н. Кутлубицкому.

(3) Некогда удельное владение Нижегородских великих Князей, а теперь оно помещичье.

— 72 —

рила ему 25 руб. С тех пор это название обратилось в действительное.

О приезде Государыни в Арзамас сохранилось невыгодное для него предание. Подъезжая ночью к городу, Императрица увидела, что толпы, вышедшие встретить ее за заставою, расположились на поле кучками и, в ожидании ея приезда, заснули богатырским сном. Царица, застав их спящими, произнесла: *сон город!* Торговцы здешние сказывают, что в станицах казацких доселе покликают на Арзамасцев: *сон город!*. — Ея Величество имела в городе ночлег в воеводском доме, на котором месте ныне уездное училище. На другой день поутру чины Арзамаские были приняты милостиво Императрицею.

Сохранился еще другой рассказ о пребывании Императрицы в Арзамасе. Выехав из имения Ермолова (села Черновскаго), Государыня приехала в село Пречистенское (арзамаскаго уезда) того же дня в 11-м часу. Здесь был готовлен для нея и ея свиты ужин. После ужина она сидела так долго за столом, что, когда стали садиться в кареты, было уже светло, *что было народу весьма удовольствованно, ибо мрак ночной не скрывал Августейшаго лица ея*, говорит один современный сочинитель. По утру, часу во 2, пошел проливной дождь, и дороги испортились. Между Пречистенским селом и Арзамасом много гор, и по этому путь был еще затруднительнее. В четвертом часу она приехала в деревню Саблукова (помещик деревни арзамаскаго уезда). Хотя отсюда до Арзамаса было не более 30 верст, однако Государыня приехала в город не прежде 6 часов. — Арзамаское дворянство, предводимое своим воеводою, дожидалось с ранняго утра Императрицы. За полверсты от Арзамаса, сойдя с лошадей, оно приветствовало Ея Величество, а эскадрон грузинскаго гусарскаго полка, стоявший в Арзамасе, отдавал обыкновенную честь и составлял конный поезд. Для пребывания Императрицы был назначен дом отставнаго гвардии Прапорщика Семена Бутурлина, жившаго в Арзамасе роскошнее других и имевшаго лучший дом во всем городе. После недолгаго отдохновения, Императрица изволила ездить по городу и, обозрев его,

осталась устройством его очень довольна. У собора встретило Государыню духовенство в полном облачении. Войдя в собор, Императрица слушала краткое молебное пение, и многолетие. Выйдя из него, Императрица проехала к венцу горы, на котором построен Арзамас, и несколько времени осматривала живописные окрестности этого города. Возвратясь в дом Бутурлина, Императрица имела обеденный стол, к которому были при-

— 73 —

глашены Нижегородский губернатор и арзамаский воевода, — всего за столом было 21 человек. По окончании обеда, представились в третьем часу Императрице: местное дворянство с женами и дочерьми, купечество, Николаевского женского монастыря Игуменья с сестрами, и Спасского мужского монастыря Игумен с братиею. Все они удостоились целовать руку Ея Величества. Разговаривая с купцами, Императрица спрашивала их о торговле и промышленности арзамаской и пожелала, чтобы ей были поднесены кожаные изделия тамошнего завода. Она заметила купцам: почему они явились без жен и дочерей? Купцы смутились, а Государыня сказала: *не надобно, подражая Туркам и Татарам, держать женщин в заперти.* — На большой площади был устроен бой гусей арзамаских, столь известный по всей России. Императрица не была на нем, но графы Орлов и Чернышев приняли участие в зрелище. Граф Орлов выиграл значительный заклад и хозяин гуся-победителя, подарил его графу, чем Орлов был весьма доволен. Из Арзамаса поехала Царица в пятом часу по полудни, по дороге в Муром. В 7 часу переменили лошадей близ деревни Быковки, принадлежащей отставному подполковнику Мих. Жукову, (ныне принадлежит гг. Жукову и Мельниковым). Жуков на означенном месте для перемены лошадей построил триумфальные ворота, разрисованные аллегорическими фигурами, и наверху этих ворот поставил своих музыкантов. Напротив ворот была раскинута великолепная палатка, в которой был приготовлен десерт, чай, вино и закуска. Жуков со всей своей семьей дождался Императрицы в палатке и когда кареты остановились, началась музыка и пальба из трех фальконетов: последняя однако была тотчас прекращена, по повелению Императрицы, которая опасалась, чтобы лошади не понесли кареты. Допустив Жукова и его семейство к руке, Государыня изволила здесь кушать чай и пробыла в палатке до 10 часов. Хоровод крестьянских девушек, их песни и музыка не прекращались во все время пребывания Императрицы, но приготовленный фейерверк не был сожжен: по запрещению Ея Величества. В 10 часов поезд отправился далее, а в три часа по полуночи (12 июня) Государыня изволила прибыть в село Савастлейку (уже московской губернии). Здесь встретил Ея Величество Московский губернатор. В 7 часу Государыня приехала в Муром. На р. Оке была устроена переправа на судах, украшенных разноцветными флагами. При пушечной пальбе и колокольном во всех церквях и монастырях звоне, муромский воевода, дворянство и городские жители встретили Ея Величество на при-

— 74 —

стани. Две роты Невского пехотного полка отдавали честь, с преклонением знамен и барабанным боем. Государыня остановилась в воеводском доме. — Тотчас, по

приезде в Муром, нижегородский губернатор Аршеневский откланялся Императрице (*).

Арзамас видел в своих стенах великаго полководца, генералиссимуса князя Итальяскаго графа Суворова Рымникскаго. Преследуя бунтовщика Пугачева, он проезжал Арзамас, где ему был отведен дом в захолустьи, потому что на главной улице не было тогда лучшаго помещения. Этот дом был купца Цыбышева, производившаго обширную торговлю. У Цыбышева были два сына, оба в то время младенцы. Суворов, приласкав одного из малюток, посадил его на свои колена и сняв с себя кортик, подарил ему. Этот подарок был храним долгое время с благоговением в семействе Цыбышевых, и только крайняя нищета заставила владельца, мещанина Александра Цыбышева, продать эту драгоценность ардатовскому помещику г. Шверину за 28 руб. сер., и это случилось не более как 14 лет тому назад.

Арзамас богат церквами и монастырями. По первоначальному построению почитается церковь Св. Духа, именовавшаяся до 1833 года особо-троицкою. В 1764 году она обращена в приходскую из мужескаго троицкаго монастыря, который в народе, и даже в старинных бумагах, для различия от ближайшей к нему троицкой приходской церкви, носил имя *черной Троицы*, а приходская троицкая называлась *белая Троица*. Другия церкви: во имя Рождества, Пророка Илии, Иоанна Богослова, преподобнаго Зосимы, Спаса, преп. Макария, св. Софии, Введения во храм Божией Матери, Благовещения, так же почитаются старыми, но время их постройки никто не мог мне достоверно обозначить. На двух кладбищах находятся одна — Всех Святых, а другая, именуемая в простонародии Напольною. В тюремном замке особая церковь. Надобно заметить, что каждый приход имеет летнюю и зимнюю церковь. Монастыри: Спасский, Никольский и Алексеевский, последний переименован в Алексеевскую общину; все они весьма замечательны по своей постройке и старине, но до сих пор никем неизследованы с должной точностию и мне не удалось приобрести об них хороших сведений. У всех был один ответ: неть у нас сведений; бумаги сгорели.

В Арзамасе весьма великолепен Воскресенский собор, в коем, кроме богатства и изящества, находится крест пожалованный

(*) Нижегород. ведом. за 1845 год No 5, с. 59-62.

Царем Михаилом Феодоровичем в 1643 г. Он осмиугольный, обложен серебром и украшен вызолоченной сканною работою. Лицевая сторона его обложена жемчугом; под изображением Распятаго Спасителя находится образ Св. Николая Чудотворца. На нижнем конце надпись славянская: *повелением великаго Гдря Цря и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руссии самодержца и его благоверной Црцы Евдокеи Лукьяновны и благоверных чад сделан крст в Арзамас в соборную црковь Воскресения Хва в лето зрна (7151) т. е. 1643 года. В кресте находятся мощи св. угодников русских: св. Иоанна новгородскаго, Сергия радонежскаго, Кирилла белозерскаго, Великаго Князя Георгия Всеволодовича, Евфимия суздальскаго и проч. На задней*

стороне креста надпись посредине: *сии мощи приложил дьяк Семен Володимиров сн Румянцев.*

Этот Румянцев, родом из Арзамаса, служил при Царе Алексее Михайловиче дьяком, в посольском приказе, а в 1667 году, с дворянином Петром Ивановичем Потемкиным, был послан в Гишпанию и Францию (*).

На четвертой версте, к северо-западу от города, стоит на высокой горе мужская пустынь, известная под именем Высокогорско-Вознесенской. С северной стороны окружает его лес, а с южной извиается речка Тёша. В 1716 году в мае месяце, Арзамасцы построили для монахов на горе часовню и две келии, и положили совершать сюда ежегодно в день Вознесения Господня крестный ход из Воскресенского собора. Первый крестный ход был совершен 10 мая тогож года, в самый праздник Вознесения Господня, при большом множестве народа и в соупутствии спасскаго архимандрита Анфиногена со всем собором, коменданта города Михаила Языкова и всех властей. — Спустя два года, набожный Прузинцов, крестьянин князя Ивана Голицына, испросил дозволение построить, не подалеку от часовни, теплую деревянную церковь во имя Богоматери Тихвинской, с приделом в честь Муромских чудотворцев Петра и Февронии. Иеромонах Спасскаго монастыря Герасим был назначен строителем, но до построения церкви эта пустынь была наименована монастырем и поступила в ведение Спасскаго архимандрита Лаврентия (в 1719 г.). Не долго иноки наслаждались покоем в новом своем монастыре, ибо шайки разбойников, гнездившихся в непроходимых тогда лесах арзамаских, грабили и жгли их строения, потому они должны были

(*) Нижегород. введом. 1845 года N 2. с. 18—19

оставить свою обитель и перейти в арзамаский Особно-троицкий монастырь (в 1734 г.): сюда перенесли ризницу, колокола и церковное имущество. Келии и храм Божий опустели и потом пришли в разрушение, однако чрез несколько времени арзамасцы испросили дозволение на возобновление обители (в 1743 г.), которая снова была наименована *Высокогорско-Вознесенскою пустынью*, и сюда было возвращено из Особо-троицкаго монастыря все имущество, которое ей принадлежало. По сооружении церкви во имя Вознесения Господня, обитель возродившаяся была приписана к Саровской пустыне (*), из которой тогда же прислан сюда для управления,

(*) Пустынь эта лежит в Темниковском уезде, Тамбовской губернии, отстоит от Арзамаса в 60 верстах, а от границ Тамбовской и Нижегородской губернии в 2 вер. Она называлась прежде Сатис-градо-Саровская, от речек Сатис и Сарова, соединившихся под стенами монастыря и впадающих в реку Мокшу. Имя же градо-Саровское прибавлено потому, что на этом месте был татарский город Сараклыч, в коем жил в 1389 году последний властелин его, татарский князь Бехан, владевший, по назначению ханов Золотой орды, многими еще городами татарскими и

мордовскими. По уничтожении Дегит-кипчакского царства, в начале XVI века, при последнем ее хане Сеид-Ахмете, Сараклыч был разорен. На остатках его, заросших густым сосновым лесом, уединился монах Феодосий, за ним Герасим, потом Иларион, наконец Исаакий, в схиме Иоанн, и этот есть настоящий основатель обители. Он построил сначала деревянную церковь во имя Пресвятыя Богородицы живоноснаго источника, на бывшем укреплении Саракалыче. В последствии на рвах, валах и местах крепостных построены все нынешние храмы, братския келии и разныя хозяйственныя монастырския устройства, но за всем тем доселе осталось значительное пространство, отделяющееся довольно ясно древними рвами и валами. — По освящении первой церкви, в 1706 г. июня 16, возведены монастырския здания, кои тогда же были окружены каменной стеной с башнями; случившийся же чрез пять лет пожар, истребил все постройки, за исключением одной церкви. Однако усердием строителя Исаакия и благотворениями людей набожных, были возведены новыя гораздо лучшия здания, стены монастырския, пещеры и храмы. Еще монах Иларион, скрывавшийся от людей в ископанной им пещере, начал устраивать подземныя келии, в 1691 г.; а первоначальник обители раскопал их под землю до половины монастыря. По бокам подземных ходов он расположил келлии, в коих живали монахи; по середине построил церковь во имя Киевских преподобных Антония, Феодосия и всех Киево-печерских чудотворцев, которая была освящена в 1711 году. В ней долгое время отправляли богослужение, но ныне она оставлена по причине невыносимой сырости и запаха удушливаго, от коего не только бывает головокружение, но обмороки с слабонервными. Самые образа покрылись влажностью и плеснью, от чего многия изображения почти изгладились. Вход в келлии очень тесный; в них едва можно поворотиться одному человеку и оне более похожи на могилы. Вещей от молившихся в этих

— 77 —

иеромонах Феофан, введший общежительское правило: в одеянии, трапезе, послушании и молитвословии, до ныне соблюдаемое. В скором времени возрасла пустынь, украсилась постройками и церковною утварью. В этом она весьма много обязана благотворениям

келлиях никаких не осталось. Стены пещерныя высечены из туземной каменистой почвы и выведены дугообразно; вход в них кругообразный, и чтобы ходить по ним, надобно согнуться даже человеку средняго роста. За всем тем нельзя было проходить по ним без особаго чувства благоговения и внутренняго сознания о величии душ, спасавшихся здесь и достойно презревших суету сует. Первоначальник Саровской пустыни ввел устав Феодора Студита и Маркелла, обители неусыпаемых, и постановил за правило, что бы во всю первую неделю великаго поста было бы безпрестанно днем и ночью пение. Он же узаконил, что бы все приходящие и приезжающие в обитель богомольцы, какого бы ни были звания, имели бы в ней помещение и пищу бесплатно. Это соблюдается до-ныне и в большие праздники кормится народа до трех тысяч душ, как мне говорили. В Св. Троицко-Сергиевской лавре кормится народ так же даром и его бывает в большие праздники до пяти

тысяч. Умный, добрый и радушный настоятель Троицко-Сергиевской лавры, архимандрит Антоний, с невыразимым удовольствием показывал пищу, какую подают богомольцам: прекрасный хлеб, щи, каша, жареный картофель, рыба и квас, — возбудили во мне желание отведать, и потом я ел с большою охотою. В приготовлении такой пищи и сохранении всего в строгом порядке, обязана св. Лавра неусыпному попечению Антония. Сколько богомольцев возсылает благодарений Богу за подобный благодетельный обычай. Из многих целей учреждения монашества, это есть весьма важная и утешительно-сладостная обязанность. Уделять ближнему кусок хлеба, значит помогать и словом и делом, — истинно-христианский, богоугодный подвиг! И никому он так не близок, как пастырям душ и телес. Саровская пустынь так же как и Лавра, может хвалиться заботливостью о помещении и накормлении богомольцев, и нельзя не вспомнить при этом, что она много еще одолжена нынешнему своему строителю игумену Исаию.

Основатель обители Исаакий, желая конец дней своей жизни посвятить совершенно Богу, принял схиму, а с нею имя Иоанна, но среди благочестиваго его уединения он был не ожиданно схвачен в келлии, по приказу Бирона и привезен в Петербург, для какого то допроса тайнаго и умер там от гонений и истязаний временника в 1737 г; погребен же на Колтовской у церкви Преображения Господня на 80 году его жизни. Но ни доски надгробной, ни места могилы, никто не может указать в Колтовской, ибо все сравнялось с землею. Известно только что у церкви погребен схимник Иоанн, которую он возлюбил с детства и упокоился подле нее. Не тяготит его праха памятник мнимаго величия, но сияет его имя среди угодников Божиих.

Схимонах Иоанн родился близ Арзамаса, в селе Красном, от церковнослужителя отца Феодора, который так же принял схиму. На 19 г. своей жизни Исаакий поступил в убогий Арзамаский монастырь Введения

— 78 —

князей Хованских и Куракиных, помещикам: Путятиным, Максютковым, новгородскому Митрополиту Дмитрию Сеченову, его отцу Алексею Ивановичу, помещице Анне Кречетниковой: помещикам: Раевским, Панютиным, Чемодановым, Полчениновым, Лялиным, Микулиным, купцам арзамаским: Сальниковым, Масленковым, Корниловым, Заячниковым и другим. Масленковы и Корниловы

Пресвятая Богородицы, потом был священником в Синаксарской пустыни, наконец снова возвратился в Введенский монастырь, отсюда поступил уже в Саров. После себя он избрал преемником добродетельнаго мужа Дорофея, который построил соборную церковь Успения Пресвятая Богородицы, освященную в 1744 г., после расширенную в 1777 г.; за тем были возведены колокольня и больница каменная. Больница укрывала престарелых и немощных братьев, одним словом, каждый преемник производил новыя постройки, так что пустынь явилась блестящим венцом среди мрачных темниковских лесов. Постоянно делались большия приношения, строились храмы богатые и вскоре украсили пустынь, церкви:

Живоносного источника, Иоанна Предтечи, Святителя Николая и друг. Замечательно, что многия здания строились самими монахами. Например: Соборную церковь Успения строил монах Иаков, который родом был из Калужских купцов и назывался прежде Иваном Федоровым. Иконописание и раскраска стен производилась отчасти руками монашествующих. Мне указывали на семь монашествующих слепцов, из коих все мастеровые: один часовых дел мастер, который заводит и поправляет на колокольне часы, два другие слесари, а последние четыре благовестят попеременно на колокольне, на которую ведут 320 ступеней; эти же звонари присматривают за часами.

В Успенском соборе находится картина прекрасной работы, представляющая разслабленного, опускаемого чрез потолок в то время, когда его нельзя было принести к Иисусу Христу, по причине чрезмерной толпы, окружавшей Спасителя. Эта картина, приписываемая Рафаэлю, не докончена, и она подарена помещиком Павлом Алаксандровичем Галаховым. Другая картина, находящаяся в церкви Живоносного источника, представляющая бегство в Египет, по искусству гораздо выше мнимой рафаэлевской; не известно, чьей она кисти? Большая часть образов облиты серебром и золотом и осыпаны драгоценностями. Вообще Саровская пустынь великолепна. Самое местоположение ее привлекательное. Она стоит в глубине расчищенного леса, окаймлена речками, а темный бор обхватывает пустынь на сто верст в окружности; он весь принадлежит монастырю. По течению речки Саровки, унизанной соснами столетними стоит под густою тенью деревьев колодец св. Серафима, им ископанный; по-выше колодца, в сажнях семи, была на косогоре его келлия, прикрываемая деревьями, где он уединялся. Около четверти версты отсюда, далее вверх по горе, камень гранит, сераго цвета, на коем он, стоя на коленях, молился сряду несколько дней и ночей. Всякий приходящий сюда, невольно останавливается и молится Богу. В десяти сажнях отсюда находится крест, вырезанный Св. Серафимом на одном сосновом дереве, доселе растущем.

— 79 —

обстроили почти всю пустынь, арзамаское же общество определило в вечное владение пустыни 1700 сажень земли, с растущим крупным лесом и санным покосом, и обязалось вносить ежегодно по 100 руб. ассигнациями, что с 1749 г. исполняется по ныне. По распоряжению же нижегородской казенной палаты отведены в 1797 г. рыбные ловли на реке Теше, две мельницы и 30 десятин земли. Нижегородский епископ Павел, живавший в пустыне, просил синод о включении ее в число семибратских обителей, потому что она была хорошо устроена; знал людей, усердствовавших и не оставлявших ее своими благотворениями. Синод включил ее в число семибратских монастырей, и по этому она ни-какого не получает со стороны правительства вспоможения, содержась своими средствами. Тогда же она была исключена из ведомства саровской пустыни. Теперь в этой обители 70 братий, в ней здания почти все каменные, и суть следующие:

1. Летняя соборная церковь о пяти главах, во имя Вознесения Господня, с двумя приделами во имя Успения Божией Матери и Иоанна Предтечи; ее строителем был, как мне говорили, из монашествующих саровской пустыни. Иконостас резный

со смесью архитектурной. За настоятельским местом стоит под стеклом большой кипарисный крест киевской работы, с резанными в нем пятнадцатью праздниками, и есть приношение строителя пустыни иеромонаха Мелетия. В кресте хранятся части дерева от животворящего креста Господня, мощи угодников: восточных и русских; весь крест убран искусственными цветами. Тот же Мелетий принес сюда шесть финиковых ветвей. На хорах полукруглых, поддерживаемых десятью колоннами узорчатыми и деланных русскими рабочими по их фантазии, находится библиотека, состоящая из церковных книг, почти до 1000; в числе их есть рукописное Евангелие исхода XVII или начала XVIII века, обложенное двумя толстыми дубовыми досками и обтянутое узорчатой набойкою, местами изорванной. Оно писано киноварью крупными буквами, почерком уставным или Кириловским, в лист без столбцов, на бумаге лощенной желтоватого цвета и с надстрочными ударениями, без соблюдения правильного переноса слов. Евангелие разделено на зачала, которыя начинаются не с красной строки. Заглавныя буквы и заглавные листы обозначены красными чернилами. Надписи Евангелистов изображены вязью, красными чернилами, довольно красиво; вверху трех Евангелистов: Матвея, Марка и Луки, украшения, состоящая из трехугольников, кружков и решетки, выведенныя пером красными чернилами, а у Иоанна одними черными

— 80 —

чернилами. В скорописной надписи, находящейся в конце Евангелия, сказано, что его писал Дамиан из села Гортятина, в монастыре Успения Богоматери. *Изволением Отца и поспешением Сына и съвершѣшеним и содеяним Святаго Духа. Почася и с врьшися сия книга рукою многогрешнаго и малопотребнаго и недостойнаго раба Божия Дамиана при обителе и при бидре Успиния Пресвятыя Владычица наша Богородица и присно Дева Мариа. В селе нарицаемом Гортятине. Прошу отци святыи сию книгу чтите исправлеюци.* Конец листа оторван. — Евангелие переходило из церкви в церковь, и первоначально, быть может, вывезено из мест южной России: из великаго княжения Киевскаго или Черниговскаго, потому что в приписке встречаются выражения и слова, чисто малороссийския, например: *книга придана булаку церкви святой до храму Успения Пресвятей Богородицы в селе Гортятине. Ветхую продал отец диакон виш помененный а иншую костовнейшую купил за тые гроше власные* (*).

(*) П. Пискарев, бывший уездным арзамаским учителем, сообщил известие об этом Евангелии в Нижегородск. губерн. ведомостях, с ошибками. Говоря, что есть повод думать, что Евангелие это принесено в пустынь издалека; что оно, кажется, было на престольным в XVII веке в Пятницкой церкви или города Ефремова или села Овсянникова Тульской губернии, приводит в подтверждение своего мнения приписки, которых уже нет, без сомнения, оторваны: а сия книга глаголемая Евангелие на престольное Никитскаго попа Косьмы Иванова... сия книга глаголемая церкви Пятницы лежит у престола Пресвятыя Богородицы.... староста... Никитский поп Сава принял в архиерейскую домовую казну из Ефремовскаго уезда села

Овсянникова с Пятницкаго попа Евсевея на нынешней на 152 год (1644 г.)... и на собор и заезда и в домовое строение всего рубль осьмнадцать алтын четыре деньги, да в домовой его московской расход и на жалованья домовым людям одинадцать алтын, да полонных с него попова двора десять денег, старосте на отвоз два алтына. В том отпись дана, староста поп Сава». Жалею об утрате этой росписки, свидетельствующей как вели наши предки счеты свои, записывая их куда попало. Г. Пискарев называет это Евангелие древним, относя его к исходу XIV или началу XV века. Его доказательства состоят в одних юсах, употребляемых попеременно вместо *у, ю, о* и *а*. Юсы не подкрепляют древности Евангелия, ни даже почерк его, ибо до ныне есть охотники до древних начертаний, коих списывают и так сказать срисовывают со всеми знаками и юсами. Точно так и это Евангелие списано было кем либо, сохранив всю его старину. Притом Евангелие писано на бумаге желтоватаго цвета, а не на пергамене. Последняя ошибка непростительная, она похожа на авось! никто не увидит! Конечно, известие, что Евангелие исхода XIV или начала XV века, и на пергамене, кого не заманит своею редкостью! В том Евангелии встречаются выражения, уже согласныя с исправлениями Никоновскими. Это показывает, что Евангелие

— 81 —

В Евангелии этом имя Спасителя нашего Иисус пишется без различия. Или с одним *И* или с двойным *Ии*, и оно должно служить прекрасным опровержением суемудрствованию раскольников и может обличить их в том, что слова Иисус и Иисус одинаково понимались нашими предками, не думавшими никого вводить в заблуждение. Для примера приводим несколько строк: книга родства *Иисус* Христова..... *Иисус* Христова Рождество..... и нарекут Ему имя *Иисус*..... *Иисусу* же рождшемуся... Тогда възведен бысть духом *Иисус* в пустыню.... В то время иде *Иисус*..... И изыде паки *Иисус* к морю... И ядущим им, рече *Иисус*..... Прием *Иисус* хлеб... и т. д.

2. Теплая огдноглавая церковь во имя Покровской Пресвятой Богородицы, с двумя пределами: Скорбящей Божией Матери и святителей Николая Мирликийскаго и Дмитрия Ростовскаго. В этой церкви находится чудотворная храмовая икона, пожертвованная г. Карауловым, которым она вставлена в серебряно-вызолоченный оклад, унизана жемчугом и разноцветными камнями. Бар. Н. А. Шлиппенбах пожертвовал 8000 руб. с тем, что бы на проценты с этого капитала вечно теплилась, пред чудотворной иконою, не угасимая лампада, по супруге его, похороненной в усыпальнице под церквью.

Другия здания монастырския не имеют особой замечательности, кроме того, что противу трех-этажнаго корпуса устроено кирпичное здание над глубоким колодцем, от коего поднимается вода насосом и бежит по жолобу во все монастырския службы. За колодцем идет фруктовой сад. Все здания обнесены высокой зубчатою стеной, за ней расположен каменный гостинный дом. В полверсте от пустыни находится пчельник, в коем более 200 ульев. Сверх этого пустынь имеет свое подворье и часовню, близ выезднскаго моста. В монастырских записках сохранились имена бывших настоятелей пустыни: Луки, Герасима, Иова, Варсонофия, Ефрема, — Клеопы, Феофана, Порфирия, Софрония, бывшего

настоятеля Саровской пустыни, Мелетия и других. Мелетий замечателен тем, что он посещал святые места и описал их. Сын астраханского купца, он получил духовное образование и поступил по собственному желанию в монахи Саровской пустыни. В 1790 г., он ходил поклониться гробу Спасителя, составил описание своему путешествию, с замечаниями на Проскинитарий Арсения

не древнее т. е. ни XIV, ни XV века — См. П. Пискарева статью: *Высокоборская вознесенская мужская пустынь*, в Нижегород. губ. вед., помещенная, кажется, в 1849 году.

— 82 —

Суханова, ходившего в XVII в. на восток, для узнания церковных уставов. Мелетий возвратился из Иерусалима в 1794 г., со святынею и пальмовыми ветвями, которые до сих пор хранятся. В 1800 г. он был назначен строителем высокогорской пустыни, а чрез пять лет вторично ходил в Иерусалим, но корабль, на коем он плыл, сокрушило бурю, в 15 верстах за Акрою (6 Ноября). Несколько людей потонуло и спаслось не много, в числе коих был сам Мелетий, однако чрез два дни он умер и погребен в одном селении, в 17 верстат за Акрою. Благочестивый Мелетий умер вдали от своего отечества и не достиг земли святой, в которой он думал положить свои кости.

Алексеевская община находится в городе и основана Мариєю Петровной Протасовой из упраздненного Алексеевского женского монастыря. Это благотворительное учреждение поддерживается собственными трудами монахинь, занимающихся рукоделием и иконописанием.

Их трудами росписаны внутренность храмов общины, устроены ризы, плащеница и все вещи церковныя. Украшение образов из фольги прозрачной, вышиванье серебром и золотом, служат образцем прекрасных женских работ. Образ жизни общины, весьма суровый.

Изучая нравы русского народа, я встретил в Арзамасе смесь поверий и обрядов, занесенных сюда из Велико-россии, или носящих на себе отпечаток что-то Мордовского. В купеческое же сословие проникла уже общественная образованность; так что не только молодые, но и пожилые купцы отличаются приятностию разговора, вежливостию и любовью к познаниям, по этому следы старины исключительно остались в быту мещан и ремесленников, особенно между женщинами. Но и тут присутствие Священника удерживает их от рассказов про чародейство, даже стыдятся говорить про свои уборы, передавать сказки, песни, поговорки. Уборы и обряды поражают здесь своею особенностью, но мне ни как не удалось составить им описание, — не смотря на обещания многих духовных и купеческих лиц.

Наречие Арзамасцев, мало отличающееся от нижегородского, составляет смешение других наречий, преимущественно новгородского. И это очень естественно. Иоанн Грозный, наказывая Новгород (в 1580 г.) предал многих смерти, а других толпами разослал по новым городам, в том числе в Арзамас, где по-

селившиеся сообщили туземцам, с своим образом жизни, и свое наречие. Доселе в словах Арзамасцев звучит твердое *о*, и они не изменяют *о* на *а*, как Москвичи, и не везде удерживают *е*. Имея произношение легкое, говорят: *хóладна, жáрка, велена*, вместо: *холодно, жарко, велено*. Букву *г* изменяют в местоимениях на *в*, а *е* сокращают в местоимениях: *ево* или даже *иово* вместо *его*; *мовó, твовó, свовó*, вместо *твоего, моего, своего*: в остальных речениях произносят *г* — латинским *g*: *gorà* (горà) *gogol* (гоголь) *gdie* (где) *гаварю* (гаварю) и проч. Окончание глаголов *тся* и *тсья* переменяют на *тца*: *боитца, ссоритца*, вместо: *боится; ссориться*; в окончаниях на *ет* букву *е* отбрасывают, когда на ней ударение: *собирает, читает, поживает*, вместо *собирает, читает, поживает*. Местоимение *их* изменяют по родам, падежам и числам: *их, иха, ихо, ихова, ихой, ихому, иху, ихи, ихим, ихих, ихими, ихний, ихна, ихно ихной, ихнова, ихному, ихну, ихни, ихним, ихних, ихними* и т. д. Резкая измена Арзамаскаго выговора, противу нижегородскаго, есть та, что буква *е*, где она невыговаривается как *ио* (миод, миоду), и буква *е* заменяется *и* или *ы*: *мишок, писни, цырковный* вместо: *мешок, песни, церковный*. Тут однако Арзамасцы несходны с жителями селений краснослободских и кадомских, у коих буква *е* везде терпит отмену, а *я* в возвратных и взаимных глаголах меняется на *и*, наприм. *низнаю, биру, взялси, жинилси*, вместо: *не знаю, беру, взялся, женился*. Если Арзамасцы не говорят подобно им, то еще гораздо страннее произносят *е* и *е* вместо *и*, так что их выговора в последнем случае ни-как нельзя выразить письменно. У них есть свои слова, выражения и значения напр. *помстилось, представилось, ономясь, было; инояз, я был* (последния два слова употребляются и в Оренбургской губернии). Неделя Фомы называют *радуницею*. Торговец на одном и том же рынке, покупающий и перепродающий товар, особенно холст, называется кулак. У лавочников вместо барыш употребляется в разговорах *польза*; вместо получил барыш, говорят столько-то попользовался или столько-то нажил пользы. Многие означают время, рассказываемаго происшествия, словами *своднишнава, вчерашнива, завтрашнава, восемнава числа* и проч. Торговые мещане, за исключением весьма немногих, вмешивают в разговоры, почти за десятым словом, добавочное *примерно*. В живых рассказах, выражая скорость или ловкость действующаго, употребляют *в раз*. Почетное лицо именуют *ваша милость*. *Я пришел к вашей милости, я докладывал вашей милости*. В

вежливостях прибавляют частицу *ста*: *прийми-ста, кушай-ста, нет-ста*. Женщина, угощая при первом знакомстве другую, часто приговаривает сударыня, наприм. *кушай-ста сударыня, свахинька сударыня*, а та, отговариваясь и отводя рукою поднос, отвечает: *не просиста и, права-ста, не стану*. Если гости не так едят, как бы хотелось хозяйке или хозяину, то упрашивают их *поневольтесь, понатужтесь*. В коротком знакомстве одна убеждает другую: *а ты полна матка, чай я у тебя не ламалась (нечванилась)*. Когда в чемнибудь не доверяют то подозреваемый говорит: *я за эта не возьму с тебя тово, чем ты глядишь*. Говоря о неблагонадежном работнике или мальчике, выражаются: *с нево взять-то только горсть волосов*. Другие, изъясняясь на пиршестве об умеренности, произносят: *брюхам хлеба ни перитаскаш*. — Считается особою вежливостию и знанием света посылать в день прадника или в

день именин письменных поздравления, ссылаясь на то, что так водится в Петербурге. Всеми виноват Петербург!

Некоторые из обычаев Арзамаских поникнуты религиозным чувством. Если женщина разрешится не поздно ночью, то она не согласится принять ни чашки чая, ни самой необходимой пищи для подкрепления, пока не совершится над нею молитвословие.

Еще продолжается старый обычай высматривать невест в церквях, во время принятия ими божественных тайн, потом сватают, и в случае обоюдного согласия, делают *смотрины* или *смотренья* в великом посту.

Мать, имеющая сына—жениха и выбирающая по своим приметам хорошую себе невестку, каждую субботу великаго поста обегает несколько церквей, чтобы выгладеть по своим желаньям. — Девишники (вечер на кануне брака) празднуются в хороших домах очень скромно. Сам жених, приезжающий к своей невесте в сумерки, дарит ее убором и уезжает. У некоторых невест, после отъезда жениха, отправляется всенощное бдение или по утру молебен. У простых людей бывают песни, особливо если девишник приходится накануне праздника; потом, довольно поздно вечером, толпа девушек выходит из дому невесты и отправляются с песнями в дом жениха, который угощает их пряниками, орехами или чаем. Визгливая шайка девушек идет по улице, под начальством одной проворной женщины, которая несет на плечах, на коромысле, пустые ведра. Рассказывают, что

— 85 —

такой обычай был здесь в употреблении между купцами, не более как лет 40 тому назад. Жених помолвленный на *смотренья* или *рукобитья*, не отправится к невесте без священника, который и в дом жениха, пред отправлением его с родными к своей невест, и в дом невесты по данному ей согласию на выход за муж, сопутствует молодому в епитрахили и с крестом, читает молитву и благословляет помолвленных. Тут в первые получает священник подарок от невесты, и девушки. В присутствии священнослужителя на помолвке, не играют песней. По совершении бракосочитания, молодые отправляются домой в венцах на голове; родители жениха встречают их в сенях: отец с образами, а мать с хлебом-солью. Обвенчанные, стоя на войлоке или ковре, кладут пред образом два поклона поясных, третий земный и поочередно целуют образ, потом отца и кланяются ему в ноги; после принимают вместе образ. Поклонясь матери в ноги, целуют сначала хлеб, за тем мать, потом кланяются ей в ноги и принимают уже от нея хлеб — соль. По входе новобрачных в комнату, священник отслуживает молебен благодарственный, во время котораго молодые стоят в венцах. В этот день священник обязан обедать у молодых, в противном случае он тяжко бы обидел все родство новобрачных. Обеды даются большие; не менее двадцати блюд, разумеется, у зажиточных людей; нужно пить и есть, иначе станут убеждать: *поневольтесь, понатужьтесь*. Обеды эти называются *с выходцем*. Подносящаго после обеда вино, на подносе, заставляют первого выпить, крича: *носцу первому!* Он как бы ни откланивался и отстранял бы от себя эту почесть всеобщую, но должен уступить. В первый после брака воскресный или праздничный

день, молодых вводят в церковь, где они, после службы, слушают молебен и всегда Божией Матери.

Арзамаский женский пол чрезвычайно любопытен, и ничто не скрывается от его глаз, особенно торжественные какие либо случаи, на пример: смотренье, свадьбы и похороны. На смотреньях дом невесты окружается зрителями, стоящими под окошками, или набиваются покои незванными гостями, от коих ни в комнате, ни в сенях нельзя проходить самим хозяевам. Незванные стоят молча, и трудно уговорить их, чтобы они вышли. Ежели в двух или трех церквах венчают богатых молодых, то женщины как бы обязанностию считают посмотреть на все эти свадьбы. Если умер богачь, в доме коего предполагается пы-

— 86 —

шное погребальное убранство, или если умер молодой человек, котораго кончина бывает всегда трогательна для родных, то между кончиною и погребением усопшаго, женщины стекаются толпами со всего города в дом покойника, и теснятся во время панихиды. При выносе усопшаго из дому в церковь, толпа женщин непременно провожает его. По выносе из церкви тела умершаго, заносят к дому его, ставят у ворот на приготовленной скамье и совершают литию.

Должно заметить, что если умирающий *томится*, приходит в предсмертное страдание, то немедленно посылают *встречную милостыню* в богадельни, в тюрьму и монастырь. Кончина усопшаго возвещается в его приходе протяжным благовестом в большой колокол, от 3 до 10 ударов. По числу ударов узнают, кто помер. При унывном перезвоне выносятся тело и сопровождается толпами народа из дома до церкви и из церкви до кладбища.

Нельзя скрыть и любопытства мужчин, которые стекаются смотреть на служение вновь поступивших священников и дьяконов; потом судят об их осанке, голосе и проповедях.

Праздники проводят весело. Рождество, масляница, Светлое Воскресенье, Троицын день превращают город в шумный базар. — Везде спешат с поздравлениями, угощают и радуются. Семик и Троицын день оставили по себе следы суеверных обрядов: завивания и пускания венков на воду, гадания и предсказывания по ним будущности. День Св. Троицы встречают торжественно и напоминают встречу Спасителя Иудеями с зелеными ветвями в руках. Накануне окружают дома березками, осыпают полы комнат травой, а их внутренность и окна убирают пахучими растениями и цветами. Едва ударит благовест, в день праздника, все спешат в церковь, идя с ветвями или пучками цветов, с коими стоять во всю обедню, и с ними выходят из храма. Прекрасное зрелище при многочисленности народа, несущаго зелень и возвещающаго Тройственное торжество!

Приметы и обряды суеверия не принадлежат собственно Арзамасу: они или перенесены сюда из других мест, или уже искажены здесь. Если в Новый год или в день Богоявления, деревья в лесах и садах покрыты инеем, то лето будет хлебородное. День преп. Ксении (января 24) решает цены на хлеб. Если в этот день

или в последующий за ним торговый, цена возвысилась или понизилась, то такая будет цена на хлеб. Если

— 87 —

Евдокеин день (марта 1) ведренный и ясный, то все летние большие праздники будут красные; напротив, если в день Евдокии идет снег, то летние праздники будут дождливые. В мае не женятся, иначе супруги будут маяться. При отдавании мальчика в учение, призывается в помощники прор. Наум, чтобы он наставил его на ум. Если в летнее время влетит в комнату птичка, то в доме будет покойник. (*) Если у покойника глаза неплотно закрыты, то будет в том доме другой покойник.

Приметы опытных людей принимаются другими часто при наблюдениях за правилом, или за истину. Так говорят о посеве ржаного хлеба: сей в грязь, будешь князь. О яровом: хоть в золу, да в пору. Верят здесь *сглазу*, от которого известны старушки, отнюдь не почитаемые за волшебниц, spryskivajut больных или умывают их с углей, угадывая по углям, кто сглазил или, по выражению здешнему, кто *озепал*: мущина, женщина или девка! Умытому или sprysnutому, облизывают лицо самая знахарки. Огневица, трясавица и другие виды лихорадки, почитаются дочерьми иудейского царя Ирода, которых насчитывают 12, и некоторым из них придают имена, как-то: лихоманки, кумы, кумохи, добрухи. Верованье в домовых и колдунов, шатающихся ночью после их смерти, осталось еще между простым народом. В окружных селениях и даже по всему арзамаскому уезду отправляется опахивание. Если не далеко от села или деревни откроется падеж рогатого скота, то девки, отказавшиеся на всегда от брака, и вдовы, собравшись без ведома семейств и жителей, выносят в глухую полночь на поле с одним сошником соху, впрягают в нее девку, более других известную по честности в жизни. Впряженная должна быть в одной рубашке,

(*) Вообще птицы, влетающие неожиданно в окно, каркающие вороны, щебечущия сороки у окон, порхающие около окон воробьи или влетающие в покои, означают во всей Европе дурное предзнаменование. Я сам был свидетелем нескольких случаев в Дрездене, Львове и Вене: когда влетал в окошко воробей, тогда предрекали смерть, и случалось, что, на беду суеверных, в то время лежала больная любимая дочь, о которой с рыданиями объявляли всем своим знакомым, что она не жилица этого света. Знаменитый комик гишпанский, Рохас, в комедии своей — *Del rey abajo, ninguno*, act III. c. 142, выражая сетование невесты, увидевшей летающих около ея окошек птиц, особенно зловещаго воробья, говорить, что сладостное пение птиц, порхающих попеременно под ея балконом, не суть для нея песни торжественно-брачныя; что гибельный воробей, злой предвестник, поет ей каждый день, каждую ночь, одну смерть, вместо того, чтобы воспеть ея свадьбу.

— 88 —

с распущенными волосами: она тащит соху, вместо лошади; остальные ухватясь за оглобли или веревки, а другия даже привязавши себя к оглоблям, помогают везти соху. Впустив сошник не глубоко в землю, опахивают все селение, и везде, противу

въездов в село, напахивают крест. За сохой следует девка с кузовом, наполненным зерновым хлебом всякого рода и набранным во всех домах: этим хлебом она сеет по борозде, проложенной сохой. В некоторых деревнях, для прекращения падежа, выкапывают, по совещанию мира, яму, на том самом месте, на котором пала скотина, и к хвосту ея привязывают живых петуха, кошку и собаку, и зарывают вместе с падалью. Хозяин палой скотины вознаграждается от мира за шкуру.

(Окончание в след. номере).